

Литературная газета

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ — БОЕВОЙ СМОТР РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЛЕТАРИАТА!

КИРОВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

А. АДАЛИС

Каждый новый трактор, сплывший с конвейера социалистического завода, вновь проложенная трасса под землей Москвы или над снегами и льдами стовой Арктики, лишний текст целины, засеянный весной, каждая новая книга ученого или художника социалистической страны, заново сложная боевая и радостная песня поэта укрепляют мощь нашей родины и тережат одряхлевший капиталистический мир.

Первомайские дни пролетариат, колхозники и все трудящиеся страны Союза встречают новыми победами и достижениями. Растут корпуса новых заводов и жилых домов для трудящихся. Промышленность увеличивает свою продукцию в сравнении с прошлым годом. Весенний сей приносит более быстрых темпов. Поднимается уровень благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции и всех трудящихся. Ширится и крепнет культура, наука, техника, искусство и литература социалистической страны.

Первомайский праздник — это весна освобожденного человечества. Первомай вошел в быт широчайших масс трудящихся советской страны.

В могучем гуле ликующих колонн многомиллионной армии отрянувшей социализма выражена воля к борьбе, к новым победам и свершениям. Над героическими колоннами трудящихся, готовых все как один встать на защиту нашей родины, трещат боевые алые знамена, пробитые пулями и покрытые славой, реют в победном рывке моторов стальные птицы. После военных парадов и преследы молодых красноармейцев по улицам Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, Минска, Хабаровска пройдут красноармейские части, пронесется кавалерия, проглотят танки и моторизованные и механизированные части. Их силу, их осанченность увидят трудящиеся. Они скажут словами вождя всех трудящихся мира, великого Сталина: «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угрозы и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны».

В день первого мая, когда пройдут по городам и селам, в шумных оживших с цветами и зелеными победами, радостные и счастливые люди всемирно-героической и мужественной страны, демонстрируя свою силу и всемирно-историческое значение своих побед, в капиталистическом мире пролетариат, жестоко эксплуатируемые, голодные безработные, угнетенные, беднейшие крестьяне и колонизаторские рабы выйдут на улицы, чтобы заявить свою солидарность с нами, чтобы сказать своим правительствам, что они поймут той дорогой, какой шел Союз советских социалистических республик. Их встретят пулями, штыками, дубинками полицейских. Фашисты со свистящей на руках в звериной ненависти будут разгонять митинги миллионов рабочих, арестовывать и избивать всех, носивших подвиг знамя борьбы; возникнут баррикады, рабочие поведут жестокую кровавую войну.

«Интернациональные связи рабочего класса СССР с рабочими капиталистических стран, братский союз рабочих СССР с рабочими всех стран — вот один из краснотельных знамен силы и могущества республик советских» (Сталин).

В героических бурях гражданской войны, на повстаньях и на возмез-

ных полях, в лабораториях и у сложнейших станков рождались герои, ударники и ударницы, отличники, энтузиасты своего дела, рождались новые люди, очистившиеся в борьбе от плесени старого мира. Они завоевывают Арктику и стратосферу, земные недра и воздух, прокладывают новые железнодорожные пути, строят города и заводы, воспитывают в социалистическом духе себя и других, двигают вперед науку, ведут страну и человечество к блистающим вершинам техники, они создают новое искусство, новую литературу, ежедневную до сих пор в истории.

«Привет работникам науки и техники, искусства и литературы, идущим рука об руку с рабочим классом и крестьянством и укрепляющим технику и культурную мощь социалистической родины» (доклад ЦК ВКП(б)).

Много поучительного и правдивого рассказали нам художники средствами искусства. Подполье, мировая и гражданская война, пепел, эпохи первой и второй пятилеток. Лучшие умы и художники капиталистического мира, подпадавшие с мелкобуржуазных позиций к своей теме «чужаков», изображали ужасы, отчаяние задвинутого, загнанного, застреленного капиталистическими отношениями человека. В их произведениях с предельной силой выразилась боль за человека и ненависть к тем условиям, которые позволяют «жучить человека». Но они не видели путей к созданию таких условий, при которых могли бы, наконец, родиться «настоящие люди».

У нас созданы все условия и рождаются настоящие люди, в которых может и должен расцвести мелкобуржуазный писатель капиталистического мира. Это они увидели и поняли, и потому лучшие представители художественной интеллигенции в таком напряженном внимании и надеждой смотрят на наш Союз, на его мужественных и героических людей, на огромные достижения советского искусства и литературы.

Та высота, на которую поднялась сейчас советская страна, накладывает на нас, советских работников искусства, на писателей, большие обязанности. Мы еще выше должны поднять знамя советской литературы, еще теснее сплотиться с рабочим классом и крестьянством нашей страны, еще более решительно крепить культурную мощь нашей страны.

Радость — жить и счастье — работать в нашей стране. Какие грандиозные просторы открываются уже с той высотой, на которую сейчас поднялась страна. И отсюда, с этой высоты еще лучше ощущаешь, насколько мужествен, закален и мудр штаб, который руководит этим всемирно-историческим походом, как величественен и прост командарм этой армии.

Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков — вождь и организатор победоносного строительства социализма!

Да здравствует великое непобедимое с знамя Маркса — Энгельса — Ленина!

Да здравствует генеральный полководец мировой социалистической армии великий Сталин!

Да здравствует первое Мая — весна человечества, освобождающегося от доней рабства!

Три простых красногвардейца
Средь хаулы лежали,
В свете лампы трехлинейной,
Вспоминали край родной...
Первый — Чудского уезда,
Нюшино село — другой;
Третий был наивасный горец —
Броши черные дуги.
«Холодно у нас зимаца
Да земля нехороша! —
В нашей местности родится
Рожь, и больше ни шиша».
А банжарец отвечает:
«От рожденья своего
Наши горы не едали,
Кроме проса, — ничего!»
Третий ласково икает,
Горсть махорочки достает:
«В сентябре уже бывает
Нашим рекам подоста!
Мы бруснику подбирал,
Никогда не сею ржи,
Среди лета мы уходим
Наниматься на баржи...
Да охотиться уходит,
У кого счастливый глаз, —
Хлеб наш хитрый и косматый
Долго бегае от нас!»

Так поют они, качаясь,
И в обнимочку сидят.
Едут лютыя январьские:
«Обнаружен белый гад!
Встаньте, воюющие народы,
Воевать за мирный труд!»
Тут встает один охотник
И винтовочки берет...
Люди гада победили,
Люди — сима и почет!

Год проходит, два проходит,
Уж семнадцатый идет.
Тихо музыка играет
«Обнаружен белый гад!
Встаньте, воюющие народы,
Воевать за мирный труд!»
Три запальных нобандира —
Три тогдашних мужика.
Первый — Чудского колхоза,
Из-под Эльбруса — другой;
Третий — в малице посевой
И в обуре дорогий!
Первый ходит и гордится,
Неуступчивый на вид:
«Зимостойная пшеница

Наш гигант не удивит!
Мы на фактах доказали:
Нет дикарских деревьев!
Нам дарили на вокзале
Париковую сирень!»
Горцы вскакивает с места,
Поздравляет себя впит:
«Мой Чагем краснознаменный
Хлебным золотом залит!
Перед каждым сальсоветом
По-над глотком реки
Божественные бапкири
Разбивают цветники!»
Третий, словно отдыхая,
Умывается слезка:
«Лед-то все-таки не сахар,
Снег — не белая мука!
Все гудит в Нукисовом чорре,
Птица в ужасе летит!
В гулко холоде родится
Хлебный камень — апатит.
Горняки-хибиногорцы
Высоки и дороги!
Мелко вышиты цветами
Их лососы сапоги!»
На лице его широко
Тень полярных негод...
Тихо музыка играет
«...Свой закончили поход».
Тихо музыка играет
«Волочавские дим!» —
И, не выдержав раздумья,
Обнимается один...
В честь семнадцатого года
Знамя легкое горит...
Обнялся, помолчали.
Первый тихо говорит:
«В нашей области холодной —
Сыр да глина, снег да снег...
Стойкой воле научил нас
Киров — стойкий человек.
Напишу я, братья, мангу
Про колхозную зарю, —
Ленинградскому обкому
В красной папке подарю!
Горцы тихо вспоминают:
«Помню кровную вражду,
Помню битву племенную
В тесном, каменном аду...
Кто под пулями проходит,
Остается на виду?
Киров был парламентарем
В восемнадцатом году!»

ПИСЬМО ИЗ ПОСЛЕЗАВТРА

С. ТРЕТЬЯКОВ

Рабочие были полурты, знала у них было чуть выше голов, а по древку вилась черная лента.

Этой станице пришло круто. Наводнение от горного обвала нависло внезапно на платину, шпильные установил и рабочий поселок. Ни оги на рабочих не осталось в поселке спасать семья. Несколько дней они бились за платину и машины, отводя воду в маневрному шлюзам. Сооружения отстоять удалось, но работа станица была сорвана на месяц, а вместе с ней и работа десятка питаемых станиц фабрик.

32 гора, из них пять детских, унесли рабочие на кладбище. Вот почему была черная лента на их древке.

Ничего не крикнули судья на вышках надули, медленно идущим людям. Сталла трибуны, еще отжалая шаги истинных.

И сразу, доотказа, вылетели три арка.

«Честь героям труда!» — раздавалось в судейской рупоры.

Сотня тысяч экзаменаторов встали, бурей аллодисментов и громаханием голосов отлавя честь.

Делегация судей перелала электроплатину отличяе смотря — переходящее красное маяское знамя.

Оказалось, это Фелька, моя подставка, всхлинув, дрогнул, забил про меня и бросился бежать вслед колоннам туда, где за смотровыми воротами шла на столбах воронка громкоговорителей. На каждой воронке была надпись: «Рязань... Саратов... Тифлис... Киев...»

Мы были слышны во всех городах, а города эти гудели в наши уши. Шла перекладка.

Колонна металлостов довка скандировала: — Эй, Донбасс! Даше топливо!

И влрут из десятка воронок послышалось:

— Москва! А, Москва! Даше трактор! Москва, гоа текло!

— Паро-хо-ло! Паро-хо-ло!

— Это кричал Омск для Ирыша.

— Са-мо-ле-ты! полавляя далекий голос Алана, налаживающий воздушное сообщение с Камчаткой.

— Ладо, братишки, ладо! — отбивалась ритмично Москва от наделавших городов.

Я провалился к рупору «Курск», куда мне надлежало ехать наавтра с Федором, работать в коммуну.

Курск гудел гулом, похожим на шаг.

Влрут уши мои обдал истопный крик. Это кричал Федя:

— Васка! Вася Печенкин! Вася Печенкин! Курск!

— Федя! — чуть донеслось, вырвавшийся из курского гуда. — Ты в Москве, что ли?

— Это я! — вопил Федор, привлекая к себе общее внимание:

— Васка! Скажи Настюхе — я ее голос рюлом с ишными слонами... скажи Настюхе, если с Янкой гулять хочет, тогда я с самой красивой московской комсомолкой гулять буду! Пра!

Осталого не слышал. Осталого не было. Осталое Москва завалила стогом самого свежескопленного смеха. Смехом грохотали сотни тысяч.

А в рупоры смеялась — Рязань, смеялись Киев, хохотал Ростов, гудел Свердловск, смехом ахнул Ташкент и хрипло в перебойчух, за дальностью расстояния, аллодировал Владивосток...

«На этом обрывалось письмо неизвестного американца из послезавтра.

Вот и весь фельетон.

Просматриваешь его сейчас, в нем до смешного много недогодак и односторонней майской правдичи, давших только как производственный экзамен, много тоглающей влюбил дна. Но, кажется, здесь есть и угаданное — в рассказе о несомым над демонстрацией молекул машин и образцах работ. И есть мечта о переключке городов. К ней мы идем год от году, строя праздничные радиопередачи и делая наша фантазия реальность, социалистической реальность».

Вот и весь фельетон.

Ф. МАЗЕРЕЕЛЬ. «Смерть». Гравюра на дереве. (Из гравюр, привезенных художником для организующей ВОКС выставки его работ в Москве).

Александр Прокофьев

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Что весной на родине?
 Погода.
 Волны неумолчно к берегу бьют.
 На цветах настежну воду
 Из восток озорные пыют.
 Пыют, как брану, темными ковшами
 Парни в самых радостных летах.
 Не испить ей:

Она — большая,
 И не расплескаться:
 Она — в цветах!
 Мне до тех озер дорогой длинной
 Не дойти.
 И вот в разбеге дня
 Я кричу товарищам старинным:
 Поднимите ковшки за меня!

И уже безмогвием дыша,
 Он растер земли сырые комья
 С десятка крылами камыша.
 И от гора дрогнул бор сосновый,
 Побоялись волны по реке,
 А над злого смертью встало слово,
 И его занеги вдалеке.

Лес гремел — высок.
 И летела пуля в сердце брата,
 И упал тот брат на желт-песок.
 Ничего не видал и не помня,

В СТОКГОЛЬМЕ

С. КАНАТЧИКОВ

Миллионы трудившихся нашей страны в день первого мая — праздника борьбы и труда — выйдут на улицы и будут демонстрировать достижения и успехи нашей социалистической промышленности, хозяйства, искусства, науки и техники, а наша Красная армия покажет свою силу и мощь, свою готовность вышагивать первое в мире социалистическое отечество всех трудящихся.

В этот день невольно хочется оглянуться назад, оборотить профейный путь борьбы, туго поражения, побед и достижений. Хочется вспомнить из прошлого что-нибудь радостное, веселое, связанное с днем празднования 1 мая, что хотя бы отдаленно напоминало наше будущее, подное надежд и достижений настоящее.

Но из этого прошлого память крадет мрачную тюрьму, утрону связь на крайнем севере, избойные казачьи нагайками, вопище участка, жандармские допросы и подиешкие кулаки.

Вот чем опровергалась тогда борьба с царским правительством за право трудящихся выходить на улицы и праздновать 1 мая. Потому даже не верилось как-то, что где-то за границей рабочие в этот день могут выходить с красными знаменами на улицы и во всеуслышание предъявлять свои требования капиталистам. Надо вспомнить, что это был период роковых иллюзий и жалкой социал-демократической Интернационала, пытавшегося примирить труд с капиталом.

Трудно себе представить теперь, спустя почти тридцать лет, мою радость, когда на Урале, на Нижнетагильском заводе, на телеграфном пар-

тийном собрании в пятьдесят человек меня выдрили делегатом на очередную партийный съезд. Я не знал, где будет съезд, но не сомневался по опыту прошлых, что происходить он будет за границей.

В Петербурге, куда я приехал, меня снабдили адресами, жилой в Финляндии, и во второй половине апреля в приодлении, восторженном настроении отправился в путь. В Або делегатов, соблюдая необходимые предосторожности, послали на паролек, идущий в Стокгольм. По дороге переживали, ждали, что предстоит съезде, мечтали о том, как будем встречать первое мая в свободной стране.

Съезд происходил в народном доме, где помещались профессиональные сословия. Шведские социал-демократы, особенно левая их часть, приехали много устали к тому, чтобы создать спокойную обстановку для работ съезда. В дни, когда не было заселения или докладывали были неинтересны, мы уезжали за город. Весна была в полном расцвете. Хорошо и волнотно было здесь после самодержавия, мордобойной России! Никто из тойоб не наблюдает, не следит, мы слышно площадной брани и окриков гороховых. — Вот и у нас так же будет после революции! — мечтал мн.

— Однако мы очень скоро убедимся, что прелести буржуазной демократии имеют свою оборотную сторону. Через несколько дней, как только мы висали наши вымышленные имена в отделе книг, нас по одному не стали вызывать в полицейский участок. Видно, во всяма лояльно, полицейский чиновник доискивался истинной цели нашего здесь пребывания. Полиция видимо

побоялась, как бы «непрошенные гости» не застряли в их «демократической» стране. Но когда мы заявили, что уезжаем от парокового правительств в Америку и в Стокгольм только проездом, нас «демократический» полисмен отпустил с миром.

Мы с нетерпением ожидали наступления 1 мая. Один думали, что мы улетим увидеть стройные колонны рабочих с развртутыми знаменами, на которых будут красоваться революционные бравоания. Другое пред- полагали сами прикрутить к этим колоннам стать в ряды шведских товарищей и демонстрировать международную солидарность.

Но велико было наше разочарование, когда на съезде явился представитель шведской социал-демократии, довольно внушительно и определенно заявивший, что он просит русских товарищей не только не принимать участия в майской демонстрации, но и не появляться на улицах в тех местах, где будут проходить колонны рабочих.

Было очевидно, что вождь шведских социал-демократов, один из столбов II Интернационала Брантин (впоследствии социал-шовинист. — С. К.) не хотел портить па-за нас своих мирных отношений с политией.

Высок, плотный блондин, ослепший как добропорядочный буржуа, Брантин, выступая с приветственным съезду, высказывал пожелание, чтобы солнце свободы скорее засияло над

ваученным борьбой русским пролетариатом. Разумеется, «солнце свободы» было не жалко — под ним всем места хватит, а вот русские революционеры своим безтактным поведением могут испортить эту отношения с правительством и буржуазией, — это вопрос более серьезный.

Меньшевикам, конечно, не нужно было долго объяснять важность и необходимость сохранения добрососедских отношений между социал-демократическими партиями и правительствами, и они тотчас же приняли постановление — попросить делегатов съезда не только проявлять как можно больше чувства солидарности, но и вообще появляться на улице в день 1 мая.

Наступило яркое солнечное утро 1 мая. И мы все выдержали.

Нарушая постановление, всей гурьбой мы выехали на улицу. Долго ходили, блуждали, расспрашивали встречных, которых по внешнему виду принимали за рабочих. — Где состоится манифестация? После долгого поисков и расспросов, нам удалось установить, что манифестация должна проследовать по затолпущим улицам окраин, где обитала беднота. Полиция запретила устраивать шествия в центре города, чтобы рабочие своим невозможным видом не тревожили своих конов — буржуа и не напоминали о классовых противоречиях и той беспощадной эксплуатации, которая господствовала в этой богатой стране.

Часов около десяти показались длинные колонны рабочих. Бледные, худые, наутренние 11-часовым рабочим днем Олеты они были поправдиному, но бело — в дешевенных костюмах, шляпках, кеки. Ни красных знамен, ни плакатов с до-

аунами. Только кое у кого первомайские значки или красивые гвоздики в петличках. Шли молча, угромо, точно это был похороны, а не торжественная встреча пролетарского праздника.

«Демократическая» полиция потребовала, чтобы демонстрация происходила на окраине, чтобы во время шествия не было никаких знамен, ни песен, ни возгласов, ни речей.

И на все эти униженные требования полиция согласилась вождя II Интернационала!

С тяжелым чувством стыда и обиды мы возвращались с этого униженного зрелища... Нет, уж лучше борьба с полицейскими бадами, с казачьими валами, чем эта тулая покорность и смиренность!

А. ТЫШЛЕР. Рисунок к «Золушке» С. КИРСАНОВА.

РЕАЛИЗМ И ФАНТАСТИКА

(О «ЗОЛУШКЕ» С. КИРСАНОВА)

А. Болотников

Пример фантастического изображения действительности — самый древний художественный прием. И тем не менее он не потерял своей силы и значения до наших дней. Социалистический реализм не отменяет ни языка, ни бытия, наоборот, только этот творческий метод дал правильное истолкование и народному эпосу вроде градоисходов Гомера или Филолоус. В этих эпических жанрах фантастика самым причудливым образом переплетается с действительностью, и тем не менее мы имеем в них правдивые и простые изображения реальных явлений, замечательные документы истории и ценнейшие памятники культуры.

Право художника превеличать состоит в том, что художник всегда соединяет реальность с вымыслом, придавая этим особую реальность и ошущаюемость изображаемому предмету. И фантастический вымысел в этом плане совершенно правочеем для художника-реалиста, лишь бы последний пользовался таким приемом, не потеряв себя, т. е. не подменял своего мироздания другим — чуждым и фальшивым.

Вот почему изучение фольклора не только обогащает язык писателя, но и может пополнить его воображаемые средства и приемы. Но писателю при этом должен оставаться самим собой, свои оригинальность он не должен подменять оригинальностью чуждым.

Простые и прекрасные, живо-трогательные, но неотразимо убедительные образы народных сказок, например, непомогши. Было бы бессмысленным переказывать «Снегурочку» или «Красную шапочку», «Золушку» или «Хорошую», «Доргогошеши» зна-

том месте (речеция на «Сказки русские», рассказываемые И. Ваненом, 1839) он еще определенно говорит об этом, проводя мысль о субъективном для бессознательного творчестве народа и о творчестве объективном, когда автор создает и знает и предмет о котором пишет, и называемое своего произведения, когда он артистически владеет и пользуется свободной выразительностью, свободно варьирует их от тем к тем. В этом смысле, по Белинскому, Пушкин обладал гениальной объективностью высшей ступени, и потому ему легко было переть на все голоса. Но и его гений изнемог, когда захотел, на зло законам возможности, субъективно создавать русские народные сказки, беря для этого готовые рисунки и только вышивая их своими шпательками. Лучшая его сказка — это «Сказка о рыбаке и рыбке», но ее достоинство состоит в объективности: фантазия народа, которая творит субъективно, не так бы легко создавала эту сказку. Творчество должно быть свободно: производные условия подчиняются тому что бы то ни было вретель ему.

Характерно также отношение Белинского к Давиду, выступавшему в литературе под псевдонимом Казака Луганского и в свое время подымавшего большой шум сочинением якобы народных сказок, написанных чужим фольклорными оборотами и выражениями. Например, традиционного в сказках паара с царевной Давид ползает так: «Наш этот царствовал, как медведь в лесу дуги не гунжит!» А царевны его — кто ват и на гряд на носажени в князи, кто и велик телом, да мал давом;

ний с высоты, да без намеку; тот с виду оред, да умом тетевер, личном боленек да умом протеснее, хоти и не князе, да хорошо острожен; а которые помышляние, так все плути вышло, кто кого сможет, тот того и гложет, ну, словом, живут, только хлеб жуут, едят, небо коптят». Или вот судья Шемка распорядится: «покойнику же отлать последнюю честь и пристроить его к месту, т. е. отвести ему земли козую сажень, выкопай землянку, сней с него мерку, да сней на него деревянный тулуп и давай янок отличия — крест во весь рост». И так все сказки, обвивающиеся порой на расшнчик, занятые, но скоро прискущывающие и лишнейные по существу всякой оригинальности и по языку и по сюжету. Это и не настоящие литературные сказки и тем менее — сказки народные. Правда, сказки эти можно читать, правда, что серьево занимать фольклором, но Белинский основательно и по заслугам изложил их как литературные произведения. В речели литературное произведение. В сказку Луганского (1835) Белинский так оценивает это произведение: «Сколько по шуму пропало повеление Казака Луганского! Думали, что это и новость что такое, между тем как это — ровно ничего; думали, что это необыкновенный художник, которому удалось создать народную литературу, между тем как это простое баллаур, иногда довольно забавное, иногда слишком скучный, нередко уморительно веселый и часто приторно-натянутый. Вся его гениальность состоит в том, что он умеет кстати употребить выражения, взятые из русских сказок; но творчество у него нет и не было, ибо же одна его замашка переделывать на свой лад народные сказки достаточно доказывает, что искусство — не его дело».

Итак, использование фольклора для литературных целей необходимо и полезно лишь при соблюдении

основного творческого условия: писателю всегда должен оставаться самим собой, должен сохранить свой стиль и мироозерение. Замечательным образом широкое использование фольклора, временами не меньше, чем у Казака Луганского, в делах прилагания специального колорита произведению, является «Кола Брюньон» Ромен Роллана. Но здесь оригинальность гениального писателя только вышуклее выступает от этого умелого пользования житниней народного языка.

Совсем иначе, хотя не менее выразительно, использовал фольклор Гофман или Андерсен. У этих замечательных авторов литературных сказок все свое — и сюжет и язык, но они сумели проникнуть в причудливый мир народной фантастики, удвоили какие-то ее законы и создали совершенно особый, вполне литературный жанр. Сказки обоих этих авторов высказываются провизничьи словесными какладому на них невозможно переказывать и являются превозходящи-

ничевопли у ней в потне, ничевоплики на лице.

не видела Золушка ничего: ни сияющих гор, ни воды ключей —

ничего.

Ничевод ключевых, ничевопликов лесных, ничевоплигов, ничевоплигов дуг фонарей.

Прекрасные ступи, особенно если бы не повторять «вод ключевых» и вместо столбулы подвернувшихся под руку Золушки и Волхова влать семантически более опрделанные сочетание. Всякий новый прием в форме должен быть отчеканен по последней детали, если поэт хочет завоевать признание этого прима. И главное — смысловой момент не должен подчиняться форме. Ошибки формализма имено отсюда и нативаются.

Однако вернемся к композиции сказки. Ни оборота, ни образования, ни другой вет у Золушки. Только скворинка вечный порхун, говорун, видный язык, — ее друг. Он рассказывает «в своей песне о заморских краях, он учит ее и мудрости жизни».

Семейство Золушки собирается на бал, где принц, с миллионом на текущем счету будет выбирать себе невесту. Золушке тоже хочется на бал, но алая мачеха завет ей залучу — развортать мешок чеучевны — и отвалкает ее одну. Тогда прдетает скворца Он рассказывает ей сказкостранности про царя, про Нью-Йорк, про ее суженого, что летает на птице стальная. Призрачная тлать сказки слышится с образами действительности. Сказка поэта насмешает другим содержанием, чем народная сказка, сквозь дымку фантастики просмечивает реальные отношения эксплуататорского общества, которые в дальнейшем все больше и больше

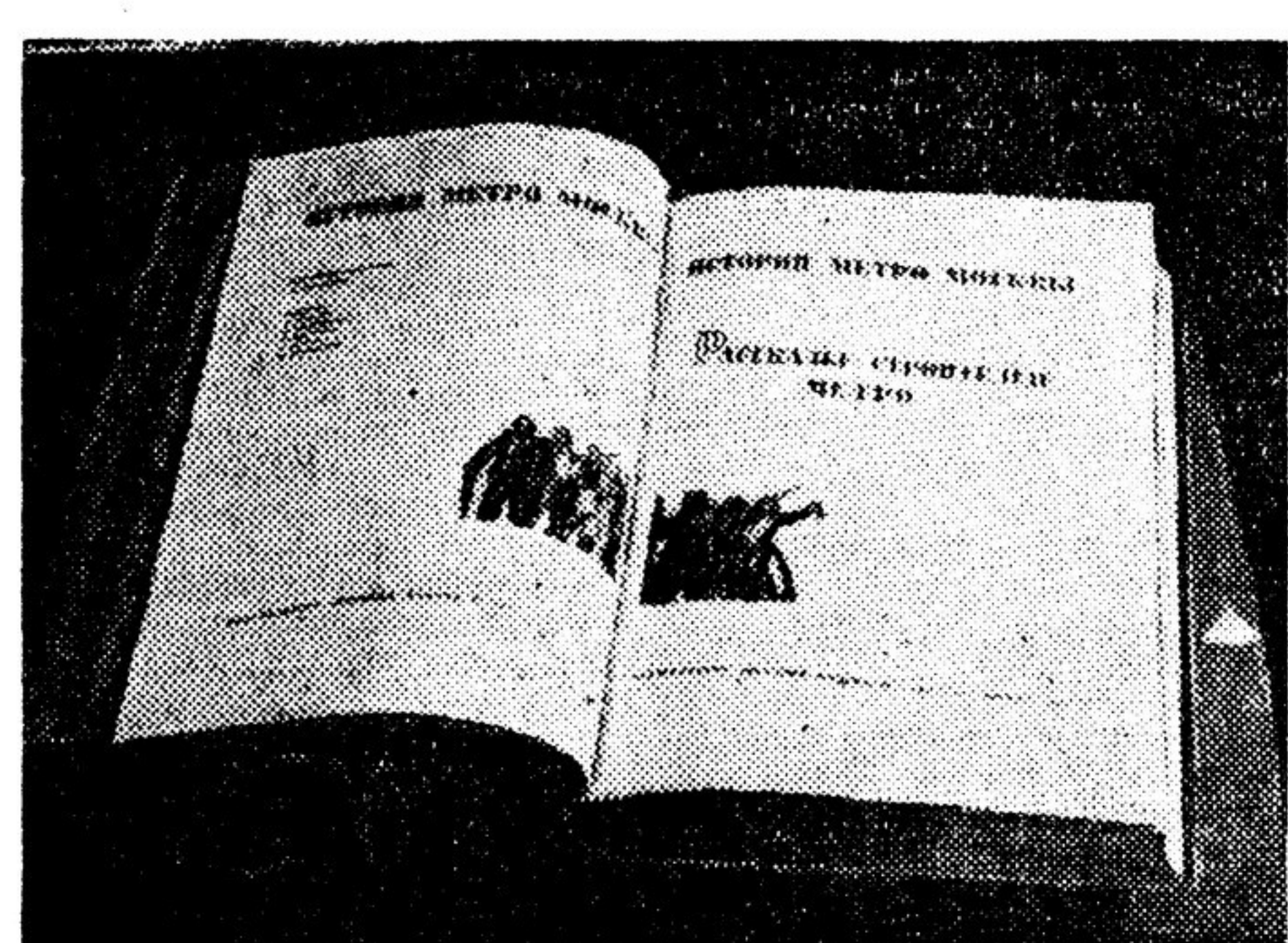
Окончание на 5 стр.

РАССКАЗЫ СТРОИТЕЛЕЙ МЕТРО АРХИТЕКТУРА МЕТРО

Вся страна читала эти простые и естественные, опубликованные за несколько дней до первомайского праздника:

«Комиссия пришла к единодушному заключению, что осуществление первоочередных линий Московского метрополитена, выполненное строительством в труднейших гидрогеологических условиях в весьма короткий срок, исключительно из советских материалов, силами советских специалистов является крупнейшей победой социалистического строительства, свидетельствующей о громадных достижениях на фронте индустриализации СССР и ставшей возможной благодаря огромному подъему и энтузиазму строителей метро, повседневному руководству и контролю органов партийных и советских организаций и неустанному руководству и величайшей поддержке всей партии, ее ЦК и правительства».

Четыре года прошло после исторического постановления Центрального Комитета партии о реконструкции Москвы. Построить в Москве подземную железную дорогу — таково было одно из крупнейших заданий этого постановления, вынесенного по инициативе великого Сталина.

Воля партии выполнена. Москва — столица социалистической страны, восходящая культуры социализма — получила метрополитен, лучший в мире, построенный со всем искусством новейшей техники.

Вот две фигуры — главный инженер Кировского района А. И. Гертье и Е. Л. Лимончик — бригадир комсомольской бригады им. Кагановича шахты № 13—14.

Гертье — крупный инженер о большой культуре квалифицированного специалиста.

«Знаете ли вы, — пишет он, — что такое техническая страсть? Быть может, это неудачное выражение. Но, право, я не нахожу более подходящего слова для обозначения того, чем я жил эти два с лишним года работы на метро».

«Когда я говорю, что был одним из строителей метро, это не следует понимать буквально. Личность инженера Гертье не столь отразилась, сколь формировалась на метро». «Не я учил метро, он переучивал меня».

Так инженер Т. Гертье констатирует о своем новом рождении, как специалиста, в обстановке работы на метро.

Большая жизнь протекала под землей за эти годы. Большинство московских жителей только догадывались о ней по выростам в разных концах города на подземных сооружениях. Через две недели каждый москвич ежедневно будет ощущать результаты четырехлетней работы метроостроителей. Быстрый бег подземных поездов, непрерывная смена тысяч тоннелей, образцовый порядок и безупречная чистота станций — все это войдет в быт советской столицы, станет органической частью кровеносной системы великого города.

Но наведя москвичей метроостроители в историю Москвы, в историю всей советской страны одним из самых ярких и почетнейших памятников нашей героической эпохи. Советская страна забывает заносит в летопись своих изумительных строений имена лучших своих сынов, ударников, инженеров, изобретателей, организаторов.

Вот почему так уверенно звучат заключительные строки яркого рассказа Ольги Устиновой.

Моя бригада была великим переходом во вторую очередь. Я буду работать совместно с учебной. Хочу учиться на инженера.

Или Зинаида Шарова бетонщица шахты № 17—18, так кончает свой краткий очерк:

— Сейчас я учусь на мастера тоннельного дела.

Такова перспектива роста, которую создала большинство школ метро для 70-тысячного отряда строителей-комсомольцев. Это — будущий командный состав реконструкции городов Советского союза.

Мало того: сами строители создают историю строек, берясь за перо рукой, только что державшей заступ, отбойный молоток или рукоятку экскаватора.

Так возникла и эта прекрасная книга, первая часть истории московского метрополитена — «Рассказы строителей метро», изданные «Историей фабрик и заводов», книга будет в руках людей за метро и борьбы метро за людей.

Авторы книги — проходчики, бетонщики, шпильники, бригадиры, инженеры, комсомольцы, комсомолки Метроострой.

С предельной простотой, скромностью и в то же время с большой теплотой рассказывают строители о своей жизни и работе под землей.

От начальника Метроострой до юного бетонщика говорят они все об одном и том же — о днях и ночах борьбы и стройки, о строгих отрядах подлинного трудового героизма. Но каждый говорит при этом своим собственным голосом, со своей личностной интонацией.

В прекрасном обобщающем очерке Т. Ротаря перед читателем встает вся эпопея строительства — споры по проектам, борьба за сроки, общая организация работ. Партия МК на метро т. Старостин красочно описывает о формировании большевских метроостроителей, о партийном руководстве, об изумительной зоркости, заботливости и распорядительности Л. М. Кагановича — подлинного прораба метро. Все остальные авторы-строители рассказывают каждый о своем участке работы. Но у всех общая черта: самая яркая страница, странная биография каждого — это метро, великая школа труда, дисциплины, сознательности.

«Рассказы строителей метро». «История метро Москвы». Изд-во «История фабрик и заводов». Гл. ред. А. Косарев. Лит. редакция: А. Гарри, А. Зубов, Л. Касьян, Л. Якушкин, Я. Рыкачев, В. Шляховский.

РЕАЛИЗМ И ФАНТАСТИКА

Окончание. Ст. 4 стр.

выглядят как основа сказки. И сама Золушка постепенно перестает казаться скромной сказочной героиней, в которой все привыкло к детства. В ней персонифицируется все то, что подвигалось и утратилось в собственническом обществе, обществе эксплуататоров. Сказка становится остро социальной и политической...

Но вот показавшись в оконной раме бедные лица отчима и мачехи, и Золушка сидит над ведром, чечевичка разбрана до последнего зернышка. На дворе черная ночь.

У Золушки только и отрады, что вежливо забиться во сне. Сладко выспаться она простояла на ситце и погрузилась в грены. А грены у Золушки — с досмотаром, как ромая в журнале с «продолжением следует».

Что вчера недомыслило, то сегодня приснится.

Ничего не видела Замарашка, а заснег, и перед ней все чудеса Шехеразады, или вернее, братьев Гримм. Принц только с ней танцует в первой паре вальса в залитом золотом зале... И мало ли еще чего? Грены — родные сестры образованной сказки, как прием. Блед, как жемчуг, Алесандр построил на подобном приеме замечательную сказку о белом батраке. Одному бедняку очень трудно жить: тяжелая работа, маленькие деньги, существование впроголодь. И вот он подучает от какой-то феи дар: половину суток пребывать в каком сие, что все благо мира находится в его власти. И несчастному батраку сказочный сон стал казаться явью, а жестокая действительность — кошмарным сном. Здесь, как в волшебстве у старых авторов сказок

в шестой главе — снова развернутся прекраснейшим казедлоском фантастикой. Золушка замеселась в огромную витрину универсального магазина. Вещи, увидя ее, по-американски приходят в движение. Часики Мозера, флаконы духов, бижутерия, дамские туфельки, платье, корсет, шаль, мыло, кружева — все, что составляло неотъемлемое вооружение городской красавицы, начало горячо обождал Золушину фигуру, ее сказочную красоту, скрытую под сажой и белой, перламутровой одеждой. Тянулись часики:

— Хорошо бы так это часовой пружиной пере-тинке-таки-ватся с Золушкиной жинкой.

Валдышки и охали туфли, дорогие — в 240 долларов! — платье, нежно шуршала шаль. А тонкое кружево рассказало, как вылетела его так же, как вылетела из Франции Сандрильона, чепелка Попелюшка, итальянская Чиппереллола, немецкая Ашебредель и английская Синдлерка. Агитация кружева особенно подействовала, вещи двинулись вперед, к Золушке, чтобы принадлежать ей, чтобы удержать ее. Увы — тогда рывком железный стержень закрыл окно и наглухо запер веши.

А улица туманом сплажена, и небо все в замочных скважинах. Все заперто ключами-звездами.

Золушка поспешила в аптеку, но пылали ей не суждено было купить: она потеряла гривен. От страха Замарашка решает покончить с собой. Но ей это не удается. Мост, откуда Золушка хочет прыгнуть в реку, неслышно и плавно, сугуб в руку в город, за иллюдей, сугуб в руку в город. На дворе лютая зима — «сатаром колотым хлещет буря», ити до города—десять верст, а по пути—лес. Прекрасно сделана четвертая глава повести, где Золушка, дрожа от холода, идет лесом и встречает волка. Бедняжка хочет поскорей умереть, стуча зубами от холода и отчаяния, она просит волка:

Замер-мер-зак, глотай скорей.

Но Золушка — не Красная шапочка, упитанная маленькая дочка, Рабобиньки, нападающая только на богатых. Втянув голодный живот, волк ушел в лес, не тронув Золушки. Так она пришла в город.

Город для чисто реалистически. И Золушка в современном городе. Рекламы и вывески, синие и бежевые стекла, асфальтированные мостовые, железные, как магнит, витрины богатых магазинов, нарядные дамы в мехах, благоухающие духами и с презрением на лице —

губы мачехины у всех, злые мачехины глаза... Сказка совсем превратилась в явь, чтобы затем, в лучшей главе повести —

лет. Вся ее биография — это метро. «Автобиографию писать трудно. Да ведь короткая у меня жизнь». Но какую прекрасную зарплату давало ей метро на многие годы вперед.

Вот первая комсомолка-проходчица, бригадир проходной шахты № 10—11 М. И. Суханова. Биография ее начинается так: «Моего старшего брата расстреляли в 1919 г. Колчак».

Ее рассказ — предельно прост: работа, выдержка, дисциплина. И никак не выделяется из повествования такие случаи, как, например, удар, полученный током оголенного провода. «Ничего особенного не случилось, однако, без сознания я пролежала минут пять».

О том, как приходилось работать за квалифицированную зарплату, за проводку, за кладку бетона, сейчас девушки Метроострой уже рассказывают с улыбкой. Доказано, что бригады летят были образцом на многих шахтах по производительности, расторопности, умению приспособляться к обстановке.

Вот почему так уверенно звучат заключительные строки яркого рассказа Ольги Устиновой.

Моя бригада была великим переходом во вторую очередь. Я буду работать совместно с учебной. Хочу учиться на инженера.

Или Зинаида Шарова бетонщица шахты № 17—18, так кончает свой краткий очерк:

— Сейчас я учусь на мастера тоннельного дела.

Такова перспектива роста, которую создала большинство школ метро для 70-тысячного отряда строителей-комсомольцев. Это — будущий командный состав реконструкции городов Советского союза.

★

Книга, сделанная руками строителей московского метрополитена, прекрасно литературно и художественно оформленная — волнующая, радостная книга. В ней как бы сошлись лучи, предельно спектр нашего советского сегодня, дней героического труда и борьбы, великих побед и радостного сознания величия современного дела. И это замечательно. Метро — объект строительства второй пятилетки. Метро — аттестат нашей технической зрелости.

А. ЧЕРНЯВСКАЯ.

СТИХИ СТРОИТЕЛЕЙ МЕТРО

Н. Бахтукор

МОЯ ТАЙНА

Жмурься и выравнивай плечи, Весело из шахты выходишь, И казалось — минуешь настречу Солнышко, весна, автомобили.

Мы шагали радостно и грубо, Удается вовсе не легко нам Каждому укладывать два куба Тихого, но строгого бетона.

Но моя тяжела усталость Под обстрел товарищей пошла... Вместе с ними ты не догадался, Отчего я был таким усталым.

М. Соколов

РАССКАЗ ЛЕСОРУБА

Дерзкие волны несет она Белому морю в пасть.

— Так-то вот... Северная Девина Крепкую любит снасть, Любит, рука что была легка, Добре что был связан плот... Так-то вот.

— Славу издалека К нам принесил народ. Соны подслушивали слова. Молчаливый падал снег. Сяди. Стоит сказать: «Москва», — И поднимает всех. Рядом река,

кто топор-саморуб. Золушка энергично мобилизует Иванушек-ротозеев и при их помощи, не очень заметны, убедительно, пробираться к ларю, где спрятана кашева смерть. После подгаданных процедур Золушка добирается до яйца, в котором скрыта смерть отчима. Она разламывает яйцо и видит там — грощ. Причуда насилья и эксплуатации человека, ладенком убито, начинается новая жизнь.

«Возвращаются сказки, Кащеем награбленные».

Сказочные гусли-самогуды реалитизируются как патефон — «гусли с пением и игрой». Ковер-самолет аэропланом взмывает в небо, и закидываются электрическими лампочками золотые Жар-птицыны перья, в полых огромную борозду провед саморуб — трактор, и в телевидении явью стала сказка о серебряном блюдечке и волшебном яблоке. Одним словом —

все, что смылось, мерещилось, виделось, чудилось, что мечталось, казалось, хотелось,

что работам на сон набоякивалось, все это стало осуществленным вещами...

Исполнилась и самая заветная мечта Золушки, навеянная ей еще сказочной. Молодой летчик с красноармейской звездой на абу сказка Золушке нежное «люблю», и они полетели на вг, в дом отплыла.

Развернулась небес бирюза! Чудесными брови, Чудесным губы, Чудесные синие в мире глаза!

Так кончается «Золушка» С. Кирсанова. Что же мы имеем?

Прежде всего, это не собственно сказка Кирсанова, это не алдерсонская, фантастическая повесть. Кирсанов в основном остается в сфере образов народных сказок. Именно поэтому он и назвал свою «Золушку» повестью всех сказок. Но у «Золушки» Кирсанова есть две особенности, которые делают ее произведением самостоятельным, произведением, к которому неприменимы справедливые упреки Бельянского до отпущения в сказочном сказке. Повесть Кирсанова не подделана под народ, — наоборот, она совершенно не претендует на народность, она написана кирсановским языком и стихом, и ее художественные достоинства нелишком следует отнести за счет творческого роста поэта. В этом смысле у Кирсанова нет ничего от сказки казака Лужанского.

Но этого мало. У уже сказал, что беспомощность обработок народных сказок заключается в их простом педантичном изложении в небо, и закидываются электрическими лампочками золотые Жар-птицыны перья, в полых огромную борозду провед саморуб — трактор, и в телевидении явью стала сказка о серебряном блюдечке и волшебном яблоке. Одним словом —

все, что смылось, мерещилось, виделось, чудилось, что мечталось, казалось, хотелось,

что работам на сон набоякивалось, все это стало осуществленным вещами...

Исполнилась и самая заветная мечта Золушки, навеянная ей еще сказочной. Молодой летчик с красноармейской звездой на абу сказка Золушке нежное «люблю», и они полетели на вг, в дом отплыла.

Развернулась небес бирюза! Чудесными брови, Чудесным губы, Чудесные синие в мире глаза!

Так кончается «Золушка» С. Кирсанова. Что же мы имеем?

Прежде всего, это не собственно сказка Кирсанова, это не алдерсонская, фантастическая повесть. Кирсанов в основном остается в сфере образов народных сказок. Именно поэтому он и назвал свою «Золушку» повестью всех сказок. Но у «Золушки» Кирсанова есть две особенности, которые делают ее произведением самостоятельным, произведением, к которому неприменимы справедливые упреки Бельянского до отпущения в сказочном сказке. Повесть Кирсанова не подделана под народ, — наоборот, она совершенно не претендует на народность, она написана кирсановским языком и стихом, и ее художественные достоинства нелишком следует отнести за счет творческого роста поэта. В этом смысле у Кирсанова нет ничего от сказки казака Лужанского.

Вдохновенные указаниями великого вождя и руководимые лично т. Кагановичем, мы создали важнейшее звено социалистической реконструкции Москвы и обогатили город подземным этажом, равного которому по красоте и архитектурным достоинствам нет нигде в мире.

«Варварская» страна показала, насколько культурные результаты работ, построенных на нашей идеологической основе. Архитектура была у нас признана равноправным участником в проектировании и ее смело было осуществлено догмой о «лучшем в мире» в то время, когда все знатные путешественники нашего метро считали архитектуру величайшей роскошью для сооружения, призванного обслуживать самые демократические слои населения.

И вот небольшая группа пионеров первого проекта нынешней первой очереди метро принялась за дело.

Под руководством автора этой статьи были разработаны типы всех наших станций. Мы стремились превратить все лучшее, что могло быть труднейшим социалистическим стилистическим и радостно подвояющим этим новым, наиболее совершенным видом транспорта и создать четкое индивидуальное лицо каждой станции в отдельности. Станции получились отличными от известных нам образцов западных метро и я, как вынужден был признать все знатные гости с Запада и Востока — лучшими на всех.

Отделка тоннелей метро носит специфический характер; это по существу облицовка. Ведущим облицовочным материалом мы выбрали полированный мрамор. Это было несуданное дело, не имевшее precedентов в прошлом метроостроительстве. Мы мобилизовали лучшие архитектурные силы Москвы и в результате соревнования были созданы проекты отделки, достойные первого советского метро. В итоге всех отборов Метроострой достались 4 станции, а в 8 отдала в руки мастеров нашей архитектуры: акад. И. А. Фомину, проф. Н. А. Ладовскому, проф. Н. Я. Колю и др.

Различные творческие установки и методы отдельных авторов и разноеобразие колоритов и фактур облицовки: крымских, кавказских, ураль-

место занимает станция «Дворец Советов» подчеркнутым размахом своего зала и решением декоративных колонн в виде стилизованных, равновыступающих на потоке витковоздушных звезд; нежный, светлорозовый тон мраморной облицовки колонн в ровном разлитою мягком отраженном свете, на фоне светло-серых флюороновых стен — производил необычайное впечатление. Станция Парк Культуры им. Горького с двумя поперечными мостиками и шестью лестницами на платформе обобщена колоннами из темно-желтой калькованой и нарядными люстрами.

От Охотного ряда отстает другая Арбатский район. Станция «Улица Коминтерна» — единственная с боковыми платформами — отличается своими 90 восьмигранными колоннами из розовато-белого мрамора и мозаики; стены — из желтоватого мрамора и мрамбита. Далее — Арбатская станция с прекрасными решениями светло-лазурными стенами и желтовато-коричневыми мрамором колонн и, наконец — Смоленская — гордая, холодная и спокойная, с колоннами из светло-серого шабровского мрамора.

Москвич после первой же поездки будут узнавать «в лицо» все станции и не будет у нас того угашения, какое навевают, например, станции Парижа или Нью-Йорка, где убогий и обезличенный стандарт разрешает различать станции по надписям.

Архитектурная задача оформления станций сохранилась и в оформлении надземных вестибулей.

Задача эта выросла в проблему, так как внешним признаком подземного 12-километрового архитектурного пейзажа нужно было не только дать какому-то новую специфическую форму, но и в каждом отдельном случае ответить планировочным предположениям реконструируемых магистралей в полнометражном и уделить их с еще неуспеваемыми постройками.

Первые 17 вестибулей носят следы больших поисков, удач и ошибок. Их объединяет лишь присущая всем свежести трактовки.

Если станции правятся всем без исключения, то вестибули возмущают много горячих споров и разногласий. Оно и понятно: слишком капризна эта новая архитектурная задача, слишком ничтожны были сроки проектирования и слишком скудная обстановка сейчас атмосфера в архитектуре, чтобы ожидать достаточно устойчивых решений. Одно несомненно: эта серия архитектурных опытов свидетельствует о благотворном переломе в нашей архитектуре, и в этом огромную роль сыграло удивительное строительство. Оно сбливило архитекторов с какой-то мертвой точки и благословило их на ряд интереснейших опытов и выступлений, ценность которых авторы получили возможность проверить тут же, на строительстве.

Непосредственное, повседневно руководившее лично Лазаря Моисеевича удержало все эти разрозненные творческие усилия огромного коллектива архитекторов от неминуемого разброда и обеспечило всей архитектуре метро внутреннее единство и некий цельный стиль.

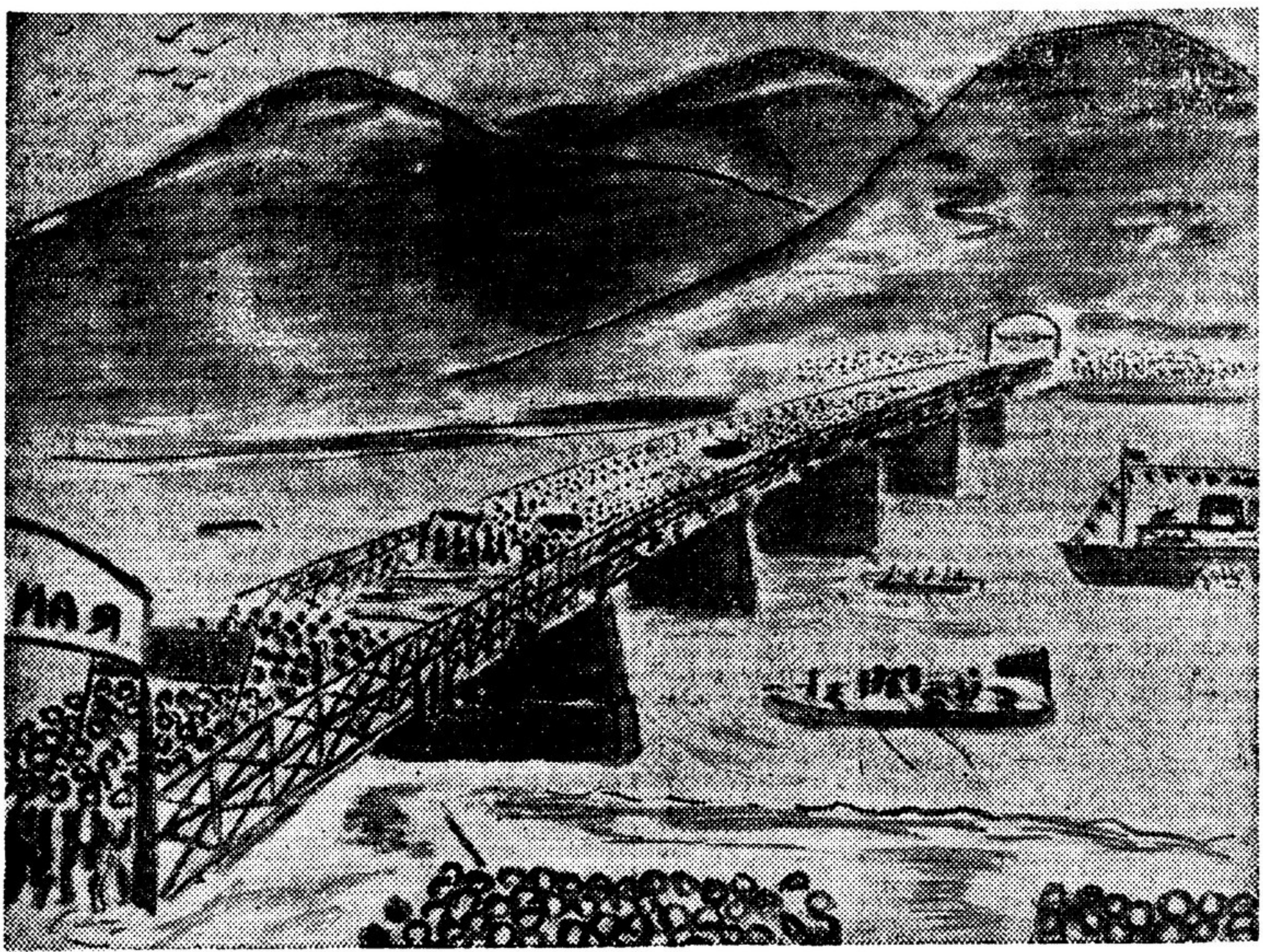
С. М. КРАВЕЦ
главный архитектор метро.

А. ЛЕНТУЛОВ. «Шахта у Кировской». (Из отрываемой на-днях в Москве выставки, посвященной строительству метрополитена).

РАЗГОВОР С МАЗЕРЕЕЛЕМ ЭГОН-ЭРВИНУ НИШУ

МИХЕЕВА Нэтя (11 лет). «Первая ская демонстрация». (Выставка детского рисунка при ЦДХВД им. А. С. Бубнова).

НА КОЛХОЗНОЙ ТРИБУНЕ

Мы едем в земную стужу на розовых проселочных дорогах в деревню, удаленную на 25 километров от станции. Наш возница — районный инструктор. Он чувствует себя хозяином и занимает нас рассказами о своей работе в колхозниках. Колхозник перестал удивляться. Трактор, радиоприемник не удивляет, а вызывает желание освоить и использовать его. Через радиоприемника слышат каждый школьник.

По поводу «Крестьянской газеты» в Волоколамском районе организовали ряд лекций по различным вопросам науки и культуры. Когда сотрудник газеты Т. Розенберг изложил мне план этих лекций, я был несколько удивлен тем, что в число необходимых ударнику знаний вошла и история музыки. Я усомнился в том, что моя двухчасовая лекция будет прослушана хотя бы с минимальным вниманием. Не стану утверждать так же, что Волоколамск, «район», куда мы приехали с бригадой специалистов, провинился особенно благоприятное впечатление. Но слушание мой только удивило: увидели совсем другую картину в колхозе.

Ветеринарные плакатами, пригласили нас на просмотр своей художественной самодеятельности. Веселые ребята докладывали о том, что в колхозе, бани Курькова, с увеличением и постоянной графикой танцевали под музыку гармонки. Мы тоже захотели ответить показом своего искусства. Талантливейший Михаил Гольдштейн (брат Буси) на скрипке исполнил несколько вещей Шуберта, Бетховена, Брамса. Этим веткам было предложено небольшое вступительное слово о значении музыки в жизни колхозников. Овациям, радостным аплодисментам, коллективным пионерским приветам не было конца.

От детского садовника до помещика клуба агрономской школы-десятилетия примерно километр ходьбы. Мы увидели прекрасные крепкие здания, хорошо одетых колхозников, садики, на которых развивались ребята-школьники. Признаться, я ни раз овладевал некоторой болезнью по поводу нашего выступления. Лекция по истории музыки без каких-либо артистических аттракционов не всегда может привлечь полный зал даже в Москве. Каково же было наше удивление, когда мы увидели переполненную аудиторию в клубе и в вале большую группу колхозников, приехавших издалека. Войти в довольно обширный зал клуба оказалось делом довольно сложным для посетителей. Колхозный хор сел и выразительно и чисто несколько массовых так перед своим выступлением, как на этот раз. Было немалое страшно, что совершат прямо перед собой большие плакаты с точным перечислением моих работ по музыке. Это очень обидливо. Я решил не описывать содержания и кратко начал излагать основные проблемы истории музыки — развитие массовой песни и отдельных музыкальных жанров (опера, симфония, камерной музыки). Подобрать и организовать на развитие советской музыки. Выслушав на час, Овациями, что говорю уже 1 1/2 часа, а из зала все еще не слышно слы-

Ф. МАЗЕРЕЕЛЬ. «У мачты». Гравюра на дереве. (Из гравюр, привезенных художником для организуемой ВОКС выставки его работ в Москве).

«Тите»... — отрезал убийца, чем-то встревоженный, и зажал с силой руку ребенку рот. — И, вырвавшись, не понимая, агонизирующая ребенок ловил руку убийцы, подставлял ее и лихорадочно боролся. — «Мамочка, холодно мне! Накрой меня покрывалом, мамочка! Присядь ко мне! Холодно твоему Степку, холодно!» — «Тите!»... — кричал убийца, вырывая руку, приподнимаясь и оглядываясь, выливающимся в ночь, в которой слышалась веселая детвора. — «Вот же дурак, а ночью, и вдруг, что-то увидел, убийца истерически крикнул: — «Куда?» — «И сейчас, в полнотемноте... Я к ляде Васе...» — шептал, как бы по секрету, прикладывая палец к губам, агонизирующий Степок, который, пока убийца-отец охорашивал по сторонам, оказавшись, собрав все свои силы, вынырнул, вынырнул в темноту, встал, брел, пошел... И окровавленный, шатающийся, шел в темноте по дороге в хлебах, крича отцу уже издали: — «И сейчас, уми! Дядя Вася! Ты знаешь, я! Я слышал выстрел в хлебах. Кто бы это такое могло быть? Может быть, кто-нибудь уже убил? Пойдем искать, дядя Вася. Пойдем!» — И молниеносно вперед торопился руками в дуло патрон и вклинул в патрон берданку, ахнул еще раз с колен из берданки всел в ствол терзающийся убийца-отец. — «Умирающий, расстрелянный Степок уже повернул в хлебах. Степок, раздвигая выволочившиеся и пальтевыми ветром хлеба, лихорадочно шел. Он встал и кричал: — «Врешь, не уйдешь! Сила, я ляла Вася! Убийца здесь! Сила, не уйдешь! Бейте в него! Вызывайте всех! Сила! За мной! Звоните выстрел. Давайте сюда всех! Разбудите Москву! Окружайте! Окружайте!» — И в криком: — «Вырвавшись, как страшный скачущий призрак, из выжженного, разбухшего пальтевыми внезапно шпором золотого ордена метнувшись в своей последней агонии бросившись на дрожжающей от смертельного ужаса от всего выжженного, выстрелившего патроны отца-убийцы. — Степок сбил его с ног, и вынырнул, как маленький, покочившись с ним по земле, и бесстрашно вырвал у него ружье (уже не обращая внимания на убийцу, который тут же, с перекосившим от страха лицом, искал в темноте, читая друг у друга в глазах: — «Нет, батенка, здесь что-то такое не то... Не то...» — И в темноте в разных местах выныривали, как затаякая цыгарки, редкий разговор о том, в какой стороне прозвучал выстрел, потому что: — «Если б знать, где... так можно было бы идти... А так — что погреться... На-ура... В темноте-то...» — И опять начиналось: — «Один говорил, что выстрел был... там...» — Другие — «нет, там». Третий — еще где-то.

Решетовский Гелушин Мур

«Наша встреча с «Безмясным лугом» ночью — это концерт. Широкая река обняла его уходящим от него полукругом, стальные отблески воды, изредка и смутно, обозначали ее течение, а прямо перед нами, в далекой глубине равнины, воле реки, которая в этом месте стала неподвижным зеркалом, под самым крутым холма, красным пламенем горели и дымящиеся друг подле друга два костра. — Пусть будет так же и теперь, — так как издали, пожалуй, все и сегодня так же, как и восемьдесят пять лет назад. — Я лично была на «Безмясном луге», очевидно, там же в такую же дунуть, размаявшую, летя русскую ночь, по колесу в полевых шестах, когда весь наш земной шарик, как одинкий слушатель в неоглядном концертном зале, сканьшись в комочек на своем кресле, пританц дымиле и без единого шороха, вслушивается в величественный оркестр сияющих в бездонном черном небе кристалльных и третичных зеленых, зеленых звезд... Итак: — Зеленые звезды им заменяем музыкой. Пусть вокруг костров и в ночной реке, купаясь, ныряют с берегов, копошатся дети... — Пусть еще дети на своих неосвещенных лодках стремительно спускаются с гор крутизны окружающих холмов... — А другие уже, как лягушки, выныривая в глыбы копей, во все дуть несутся по лугу с разных сторон, вытравывая, стелкаясь, приветствуя друг друга, собираясь в топчале... — И слышались в темноте: вопросы, ответы, крики, вопли — с несущихся по лугу, как осаживающих копей, от спешивших на землю, на ходу, на бегу, при встрече, в крепких пожатиях маленьких рук, — везде дети и дети все раньше... — Чтобы везде были дети. Дети, окутывающие при свете пылающих головешек ноги копей... — Дети, купающиеся в ночной реке... — Дети, которые гонят к кострам хворост... — И пусть лохматые собаки посядут вокруг костров.

«Безмясной луг» сценарий А. Г. Решетовского ставит засл. деятель искусств режиссер С. М. Эйзенштейн на московской киностудии «Мосфильм». Фильм посвящен памяти пионера, бойца за колхозный строй Павла Морозова, убитого кулаками. Действие разворачивается в местах, описанных И. С. Турганевым в «Записках охотника», в частности в «Безмясном луге». — Пусть в свете костров, мимо малящей на «Безмясном луге», проносятся на своих коях, приветствуемые товарищами, все вновь прибывающие дети... — Пусть детские звонкие голоса как можно громче раздаются над равниной... — И когда прогревет фанфары и грянет величественная песня, песни, которую будут петь дети на «Безмясном луге» ночью... — Пусть горят костры и горят как можно ярче и отчаяннее. Песнь гремела. Что-то пропел, отец Степка повернулся и пошел в сторону от брыка... — И, перебарываясь через затопь, он через несколько шагов встретил на своем пути столб, на столбе была доска, а на доске было написано: «Курить строго воспрещается». Озаряясь по сторонам, он плонул в ладони и погасил об ладонь цыгарку. — Затем он равнялся вперед, потому устал и уже на брже, полком в пыли, как галина, допел до темноты, которая гнающей стеной, как застывшая в темноте колонна воды, как застывшие подчина тузов перед сражением, стояла, заслоняя собой горизонт. — Это был холм. — Столько хлеба никто никогда не видел. — Тяжелый, спокойный, в золотых колосьях стоял холм под звездным небом. — И редкие, как в океане острова, стояли на вышках, охраняя его социалистическое окрившее бодрство.

«Програмел выстрел». — На одной из вышек в океане реки занырнул окровавленный (Степок) ребенок и, слабо вскрикнув, хватая руками воздух, пошел ввысь. — А он убит, галина, да еще перерезанный. Прислушались: тихо. Смертельно тихо, да еще подошел к умирающему ребенку и со словами: — «Ну вот и я, сынок. Здравствуй!» — Поднял окровавленному, залезшему в пылы маленькому сыну, предлагая ему... — «Давай-ка, сынок, поговорим кое о чем, как подобает отцу с сыном... Слушай, сынок...» — И со своей своей проклятой переконно-славянской, так называемой «исходно-русской прототипой», начал, покачиваясь, подполз под себя ноги: — «Когда господь бог нам всевышний сотворил небо, воду и землю и вот таких людей, как мы с тобой, дорогой сынок, — он сказал: — «Что он сказал?» — спросил умирающий в пылы ребенок, открыв широкие глаза, уставившись потухающим взглядом в небо. — И не помню, был ли этот вопрос обращен к отцу, вследствие его слов или возник совершенно в агонизирующей голове умирающего ребенка. — «Он сказал», продолжал убийца-отец. — Подумай и размышляй, но если когда-либо родной сын предает своего отца — убей его», — говорит в священном писании господь бог, — тут же убей». — «Так и сказал?», — прошептал Степок, сканьвшись в комочек. — «Так и сказал», — подтвердил убийца. — «Как собаку убей, говорит господь бог. Слышишь, сынок? Ты о чем думаешь?» — начинала торжеством, дергать умирающего ребенка, говорила, еле слышавшая свою неважность к сыну, отец-убийца. — «Слышишь? Я кому говорю?» — А сынок, окровавленный, лежал в пылы. Агонизирующий ребенок о чем-то думал, ребенок шептал: — «Что бы это такое могло быть? Кто же это мог выстрелить?»

«Ух, какой большой пугач?» — И устал замертво. — Некоторые, предчувствуя недоброе, высочили из хат и разлетелись, в одном белье, стояли в темноте на улицах колхозов и выжили в темноте ночь, как бы ожидая еще выстрела. — Другие, приподнявшись в постели, застали и открытыми глазами, и прижав руку к груди, слушали, как билось их сердце. — В полнотемноте, который находился от колхоза приблизительно в трех верстах, вынырнули в окнах огоньки, из аляпки кортюр, застывшая кожаную туфурку, вышел знакомый нам пожилой начальник политотдела. — «Ну и ночь!»... — проговорил он, подходя к группе людей, столпившихся в темноте и выходящих на улицу кто в чем, а другие просто ни в чем, только в одних кальсонах. — «Да... Х-о-р-о-ш-о...» — проговорил кто-то, дрожа от холода в темноте, и это было единственным, что нарушило тишину, в которую каждый вслушивался по-своему. — А опустившись взгляд вниз, замолкнувший начальник политотдела, почесывая у себя в селом затылке, думал о том, о чем думали все: — «Что бы это такое могло быть?» — И как ни уговаривали свою тревогу проснувшись в разных местах люди, которые говорили себе: — «Ну, подумаешь... выстрел... Мало ли что выстрелило... Видя и выстрелила, что ж тут такого? Ну, шел себе по дороге человек. А навстречу ему зайд, — ну, и выстрелил себе человек. Да если бы у меня было ружье, так я тоже, может, сила бы его с плеча...» — И каждый так думавший про себя человек обрывал тут же мысль, не заканчивая эту мысль, потому что думающие однако люди, поднимая головы и встречаясь взглядами в темноте, читали друг у друга в глазах: — «Нет, батенка, здесь что-то такое не то... Не то...» — И в темноте в разных местах выныривали, как затаякая цыгарки, редкий разговор о том, в какой стороне прозвучал выстрел, потому что: — «Если б знать, где... так можно было бы идти... А так — что погреться... На-ура... В темноте-то...» — И опять начиналось: — «Один говорил, что выстрел был... там...» — Другие — «нет, там». Третий — еще где-то.

Ваше стремление узнать глубже мир, чтобы представить его нам в живых и сильных книгах, будет всегда поучительно для советской литературы. Ваша неутомимость в сложной работе составляет лично для меня постоянный предмет зависти. Я вижу вас всегда таким целеустремленным, подвижным, веселым, быстрым, остроумным, легким, каким узнал вас в Берлине несколько лет назад. Я очень хотел бы дожить до вашего восьмидесятилетия, чтобы сказать, что я был прав тридцать лет назад, когда говорю, что если в литературе есть вечно молодой, неустанный писатель-боец, то это Вы, ЭГОН-ЭРВИН НИШУ! Крепко жму вашу руку. Конст. ФЕДИН. Сердечно поздравляю мужественного Эгона-Эрвина Нишу в день пятидесятилетия. А. ФАДЕЕВ. Нишу, превратившему репортаж из ремесла в искусство орудие революционной борьбы, Нишу — неутомимого разведчика рабочего класса в темных джунглях капиталистического общества, Нишу — блестящего сатирика и обличителя, Эгону-Эрвину Нишу — пропагандисту, журналисту, источнику доброты, молодости и силы — я шлю товарищеские, дружеские и братские поздравления и пятидесятилетие его яркой жизни. МИХАИЛ КОЛЬЦОВ. В день, когда исполняется полвека неустойчивой жизни замечательного человека, писателя-революционера, желаю вам вторую половину столетия провести так же бурно-молодо, плодотворно во славу революции, врагам на страх и нам, молодым, на зависть. ЛЕВ НАССИЛЬ. Привет ударнику пролетарской революционной печати! Пусть не ослабнет на долгие годы ваша боевая непримиримость. О. М. БРИН. Всякий раз, как раздается раздраженный голос капиталистического тебара: «Опять пролетариат сует нос в свое дело» — я спрашиваю себя: каков этот нос в виду? И отвечаю: этот нос о вяду — Эгон-Эрвин Нишу. Кто беспрерывнее его залезает во владения буржуазии, чья тонкая запясть гоня в самых, казалось бы, благоуханных пещинах? Бесстрашный лазутчик неотвратимых армий пролетариата-вождя, он, зоркоглазый и четкий в слове, чувствует себя во всех буржуазных востихах и интересах, как дома. Когда он говорит: «Здесь грязно: это надо вымести. Тут падали: это надо собрать. Здесь хищники: их надо в клетку» — это значит, что он уже оставляет ведомость мероприятий, за которые придется настоящим хозяевам, когда войдет наконец в свой дом-мир, прекрасный и радостный, но загаженный предшественниками. Книг быстр. Лукав. Беспощаден. Мы гордимся, называя его своим современником и товарищем. Его перо имеет хорошую родословную. Отцом его пера был штык красноваршавской винтовки в дни красной Беларуси. Книг смел. Прямо. Весел. Его призыв с парохода на земной Австралийский берег, тем же темпераментом, всегда бросившись в самое опасное и кипучее место боя. Пятьдесят лет? Невозможно. Если мерять возраст человека не арифметической, а высотой прыжка, сверстность патиска, огнешность смеха. То Эгону-Эрвину Нишу не больше 18 лет — столько, сколько опобителю мира — большевистскому Октябрью. С. ТРЕТЬЯКОВ. К КИНОСВЕЩЕНИЮ ЛЕНИНГРАД, 28 апреля. (По телеграфу от наш. корр-та). Состоялась конференция писателей и киноработников, посвященная подготовке и всеобщему сценарному совещанию в Москве. Заслушав доклад заслуженного деятеля искусства Пиротровского (Ленфильм), Алексея Зиновьева (Ленинградская киностудия «Савена Беларусь») и представителя ССП Козаренко при участии писателя Н. Никитина, Козанов, Блейман, Е. Шварц, Барзин, Цеглов, Брянский, Беллицкий, Горехов, кинорежиссеры С. Васильев, Л. Трауберг, И. Трауберг, Дубсон и др. С большой речью выступил Ал. Толстой. П О Э З И Я В 1934 ГОДУ 27 апреля в Доме советского писателя состоялось обсуждение доклада Д. П. Мирского «Обзор советской поэзии 1934 года». В прениях выступили тт. Зелинский, Сушков, Годольный, Кирсанов, Уткин, Тарасенко и др. Подробный отчет будет дан в следующем номере газеты. Продолжение прений перенесено на 5 мая. ИЗВЕЩЕНИЕ Члены ССП и кандидаты для участия в первой майской демонстрации собираются в помещении правления ССП (ул. Воровского, 52) в 10 час. утра. ПЕРВОМАЙСКАЯ КОМИССИЯ. Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последняя пер. д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-64-69.